

Д. Володихин

Требуется осечка...

Ближайшее будущее России в литературной фантастике

Эта статья представляет собой сводку картин будущего в повестях и романах, вышедших за последние лет 8–10. Когда я стал писать ее, меня попросили обосновать: зачем социологическому журналу обращаться к фантастике? В ответе содержится подвох. С одной стороны, художественный текст становится популярным только тогда, когда в писательском голосе, голосе одиночки, начинают звучать тысячи иных голосов, иными словами, когда автор произведения выражает чаяния множества современников и соотечественников. С другой стороны, некоторые писатели-фантасты включены в сообщество политтехнологов; не знаю, случалось ли кому-нибудь из них написать роман на заказ, проекты подобного рода мне известны; попытки откорректировать общественное сознание с помощью романа, содержащего футурсценарий и подгруженного характерными технологиями воздействия на умы, встречается сплошь и рядом¹. И порой невозможно сказать, какое начало в книге преобладает: социологическое или политтехнологическое. Впрочем, если идеи некоего “корректора умов” полу-

чили популярность, значит, они тоже стали фактором влияния, интересующим социолога...

Так что речь пойдет не обо всех фантастических романах, выходящих в России, – ведь только “свежих” ежегодно появляется по 400! – а лишь о сколько-нибудь заметных, повлиявших на публику.

Возрождение футурологической фантастики

На мой взгляд, конец 90-х обозначил перелом в настроениях наших фантастов. Если в первой половине – середине 90-х главная магистраль фантастической литературы дышала западничеством и либерализмом, “освобождением от СССР” и относительно редко появлялись книги, уходящие в сторону от этой линии², то в 1998–2000 годах появился принципиально иной мотив: “Нам нужно что-то другое”. Иными словами, начался поиск альтернативы. И, соответственно, возродился интерес к созданию новых образов будущего³. Собственно, с середины XX столетия

¹ Но во всех случаях, о которых мне известно, они не являются “служебным заданием”. Просто осведомленные специалисты стремятся сделать “свой ход”, оказать воздействие на ситуацию в стране, минуя высшие эшелоны структуры, в которых они работают.

² “Анастасия” А. Бушкова, “Травилет «Цесаревич»” В. Рыбакова, “Времена негодяев” Э. Геворкяна.

³ С тех пор разные организации собирали фантастов для участия в конференциях футурологического характера: издательство “Аванта+”, ЛФГ “Бастион”, Институт национальной стратегии, группа С. Переслегина – Н. Ютанова, выступавшая в течение многих лет в качестве организатора конвента с условным названием “Странник”.

футурологическая фантастика в большинстве случаев была включена в “войну сценариев”: просоветские сценарии против проамериканских, более левые против менее левых, катастрофические против оптимистических и т. д. Утверждение определенного образа будущего в головах читателей мыслилось как часть большой идеологии. В начале 90-х Россия декларативно отказалась от какой бы то ни было общей идеологической системы⁴. По ТВ шли молодежные передачи, где бодрые шоумены выкрикивали: “Передовые технологии вместо идеологии!” Тем уникальнее ситуация в нашей фантастике последнего десятилетия: она активно выдает описания будущего, отгалкиваясь от... несформулированной идеологической базы и при отсутствии поддержки со стороны государства или же влиятельных общественных организаций.

Названный перелом нельзя связывать со сменой президента – он начался раньше и был инициирован сразу несколькими факторами: банковским кризисом 98-го, тяжкими обстоятельствами

ша”, “переобустроить Россию”. В идейном смысле мощным катализатором возрождения фантастической литературы, содержащей моделирование будущего, стало столкновение российского общества с идеями глобализации. С того момента как они перестали быть частью конспирологической “черной дыры” и прошли “популяризацию”, российская фантастика с необыкновенной энергией принялась формулировать “наш ответ”.

Настоящее и будущее

Современная Россия и даже – если брать шире – нынешний русскоязычный мир редко заявляет о себе на страницах современной отечественной фантастики. Фантастов мало интересует настоящее. Очень редко в их текстах появляется хоть что-то, напоминающее “портрет своего времени”. В лучшем случае там обнаруживаются “кусочки мозаики”. Отчасти такова особенность фантастической литературы в целом: для нее нормально чаще рисовать будущее, чем современность.

С другой стороны, в отличие от советского периода⁵ и даже от конца 80-х, когда находились литераторы, благословлявшие “время перемен”, фантаст постдефолтного времени смотрит на окружающую действительность либо как на серую, скучную, хищную среду, где у умного человека сравнительно немного возможностей реализоваться (Евгений Прошкин), либо как на “повседневный кошмар”. Так, Михаил Тырин и Ярослав Веров создали два очень разных “гимна провинции”: “Синдикат «Громовержец»” и “Господин Чичиков” – но картина жизни в обоих романах очень неприглядная. В первом – мир, где жить еще можно: грубость нравов, уголовщина, нищета, кулачные бои на пустырях – некрасиво, небогато, но по большому счету показана всего лишь концентрация недостатков советской эпохи при отсутствии ее достоинств (город-прототип – Калуга). Во втором романе предъясняется коллективный портрет региональной “элиты”, писанный одной

С середины XX столетия футурологическая фантастика в большинстве случаев была включена в “войну сценариев”: просоветские сценарии против проамериканских, более левые против менее левых, катастрофические против оптимистических и т. д.

чеченской войны, и в частности Хасавюртом, а также неубывающей нищетой на фоне быстрого обогащения относительно незначительной части общества. Не знаю, что тут сыграло главную роль, кажется, 98-й год. Страна наполнилась яростью. И государственный патриотизм путинских времен всего лишь закрепил уже существующую жажду “поменять декорации”, “добиться реван-

⁴ На деле в начале–середине 90-х либеральное западничество роль преобладающей идеологии играло и уступило ее впоследствии государственному патриотизму. Но ни то, ни другое не сумело “захватить умы”, завлечь “общим делом”, стать ведущей силой общества.

⁵ Тогда ведь существовала целая плеяда фантастов, вполне примиренных с действительностью и даже смотревших на нее как на плацдарм для “светлого будущего”.

краской – черной (город-прототип – Донецк). Ситуация и впрямь гоголевская: галерея, где каждый экспонат является нравственным уродом и преступником, готовым прыгнуть хоть бесу в пасть ради власти и денег. Как в “Мертвых душах” нет ни единого “положительного” героя, так и в “Господине Чичикове” они начисто отсутствуют.

Андрей Столяров – пожалуй, единственный, кто всерьез “коллекционирует” приметы современности. При этом со времен повести “Монахи под луной”, написанной в советские годы, он довольно редко глобально критиковал действительность. Бездуховность – да, стяжательство – да, криминал на расстоянии вытянутой руки – да; 90-е годы представлены Столяровым как выгребная яма. Однако в последних романах (“Жаворонок” и “Не знает заката”) он, скорее, ищет выход из создавшейся ситуации, а заодно и набрасывает штрихи к панораме нашего времени. Вот суетливая, корыстная, неглубокая Москва, а вот ее всегдашний оппонент – мистический город вечности, мудрый Санкт-Петербург. Зафиксированная дихотомия двух столиц – очевидный факт общественного сознания, да и нарастающая нелюбовь российского населения к столице – тоже, к сожалению, факт. Вот выборы в регионах: даже в лучшем своем варианте они отдают тухлятиной. Вот деятельность мелкого политтехнолога и его соприкосновение с властью. Высший административный эшелон охвачен деятельностью хаотической, малоосмысленной, беспорядочной...

Общий вывод: внизу скверно – наверху мерзко. Надо что-то менять. В отечественной литературе целые десятилетия истории СССР, да и Российской империи, называли “безвременьем”. Но в данном случае ни о каком безвременье говорить не приходится. На мой взгляд, в текстах современных фантастов скрыто иное, довольно устойчивое ощущение: наше время представляется преддверием серьезных социально-политических метаморфоз. По незначительным деталям я мог бы эту рассеянную информацию собрать и представить в особой статье. Здесь же имеет смысл передать общее ощущение: лавине не хватает еще десятка снежинок, чтобы сорваться; все сидят и ждут, каким будет мир после того, как она по нам прокатится.

Куда идем?

Общественное и политическое состояние России и мира на ближайшие 10–100 лет представлено в современной российской фантастике в виде “картинок”, которые рисовались именно с этой целью: создать у читателя устойчивый образ определенного будущего. Случайные “проговорки” представляют собой, конечно, заманчивый материал, но чаще всего они являются частью фабульной конструкции, а потому при ближайшем рассмотрении оказываются неинформативными.

Россия и мир

Прежде всего: судьба всего мира мало интересует наших фантастов – главным образом постольку, поскольку она становится продолжением судьбы России. Наша фантастика смотрит на грядущее

не с высоты орбитальных станций, а с территории страны, с Земли.

В советское время относительно близкое будущее мыслилось как переход от системы множества государств к единому человечеству. И наиболее известные утопические “проекты” в фанта-

В текстах современных фантастов скрыто довольно устойчивое ощущение: наше время представляется преддверием серьезных социально-политических метаморфоз

стике (в том числе И.А. Ефремова и братьев Стругацких) предполагали существование объединенной Земли. Если даже речь не шла об этом прямо, все равно чувствовалось по нюансам: человечество преодолело наличие границ, разных языков, разных экономик и...

...И 91-й год.

В настоящее время мотив единого человечества встречается значительно реже, чем в 80-х. На порядок реже. Напротив, мотив “Россия – отдельно. Россия – другое!” выражен намного более явно, чем во времена СССР.

Глобализационные проекты

Очень немного нашлось в нашей фантастике сторонников глобализации по-брюссельски или по-вашигтонски как единственного в настоящий момент “распиаренного” проекта объединения Земли.

Если бы в России кто-то сформулировал и распропагандировал собственный глобализационный проект, моментально появилась бы целая ветвь романов в духе “Русская Земля”. И не так уж это трудно при современном состоянии умов и СМИ. Но возможно, все дело в какой-то принципиальной и очень глубокой установке “общественного подсознания”: *нельзя* навязывать свои ценности другим. Иными словами: “У нас есть свое. Мы его вам не навязываем. У вас есть свое. И катитесь с этим своим к себе”. Таким

образом, если Россия придет к варианту, например, “Самодержавие, православие, народность”, непохоже, чтобы добавка “на веки веков и по всему миру” нашла много сторонников. От одного из современных общественных деятелей-радикалов я слышал фразу: “Все здоровые люди понимают, что в конце останется один, самый сильный”. Но, по всей видимости, русское коллективное бессознательное предполагает иную возможность – место найдется всем, кроме самого сильного и агрессивного.

В нашей фантастике обсуждаются главным образом два варианта глобализации:

- объединение мира под эгидой Запада⁶;
- реорганизация мира под эгидой ТНК.

Систему аргументов в пользу евроамериканской глобализации (вариант 1) привел в романе “Тело угрозы” Владимир Михайлов. И даже намекнул: за этим процессом стоит международная масонерия; ее действия следует воспринимать в положительном ключе, поскольку они направлены на достижение благой цели. Ольга Славникова в романе “2017” пишет о том, что человечество задержалось на пороге нового мироустройства. В ближайшие десятилетия наша реальность рухнет, и ей на смену придет реальность глобализации, сопровождаемая, во-первых, виртуализацией общественной жизни, заменой реальности “картинками”, и, во-вторых, столь существенным техническим скачком, что значительная часть населения просто не способна даже представить себе его масштаб. И не то чтобы Славникова являлась сторонницей глобальной метаморфозы, нет, просто писательница демонстрирует уверенность в неизбежном ее наступлении.

Наиболее оригинальный и фундаментальный роман (чуть не сказал “труд”!), связанный с проблемами глобализации и антиглобализма, принадлежит перу Кирилла Бенедиктова. Это знаменитая “Война за «Асгард»”, собравшая целый каскад литературных премий. Московский писатель слил воедино глобализационный проект и “консервативную революцию”. Получилось следующее. На Земле к середине XXI века установилось главенство объединенной евроамерикан-

⁶ Причем геополитические понятия “Запад” и “Север” то сливаются, то обретают самостоятельное значение.

ской цивилизации. Прочие – например, те же арабы или латино – находятся по отношению к ней в более или менее зависимом положении. А внутри объединенного Запада победил сверхконсервативный проект, ставка сделана на чистоту белой расы и ценности, принесенные в Америку переселенцами, прибывшими на корабле “Мэйфлауэр”... На планете, пережившей демографический взрыв, на всех явно не хватит нормальной пищи, плодородной земли, чистого воздуха, а главное – питьевой воды. Южные народы, “сыны Муспелль”, больше не являются объектом накачки гуманитарной помощью. Их место – резервации, и грядет “окончательное решение” вопроса, иными словами, очищение Земли от “неполноценных” этносов; ведь они, с точки зрения белого Запада, только жрут, плодятся и гадят. Место России – ровно посередине между сверхбогатым Западом и Югом, обреченным на истребление. Но Россия – уже не Восток. Она представляет собой нечто вроде буфера или придатка к победившей цивилизации. На ее территории сохраняется минимальная независимость, политическая и культурная, и даже появляются кое-какие социальные новинки. Правда, это приобретения не для слабонервных: новое издание крепостного права и свирепый технифицированный терроризм. Надежды на возвышение нет никакой, но незначительная возможность влиять на дела мирового уровня (хотя бы и через деятельность террористов) сохраняется.

Вадим Панов в романе “Московский клуб” и Илья Новак в “Демо-сфере” показали другой вариант будущего, выросшего из глобализационных проектов. В обоих случаях решающую роль играют крупные корпорации. Собственно, глобализируется экономика. У Панова помимо “анклавов” (мегаполисов, полностью контролируемых корпорациями) продолжают существовать “традиционные” государства. У Новака государств уже фактически нет.

В остром публицистическом тексте Константина Крылова (он же писатель-фантаст Михаил Харитонов) “Новый мировой порядок. Словарь” функции государств сведены к минимуму, реальная власть – у тех же транснациональных корпораций. Есть целый ряд произведений менее из-

вестных авторов, так или иначе “вводящих” в мир будущего всевластие крупных корпораций, фактически выстроивших глобальное сообщество в соответствии со своими интересами. Таким образом, этот вариант представлен несколько шире предыдущего, где ядром глобализационного проекта является Запад. Панов видит в таком варианте развития событий шанс для России, а потому относится к нему положительно. Новак подчеркнуто нейтрален, не выражает авторской позиции эксплицитно. Однако в его романе новое мироустройство приводит к катастрофе и гибели человечества.

Дальше всего пошла глобализация в повести Геннадия Прашкевича “Золотой миллиард”. Тут уж нет никаких государств, нет народов и нет корпораций, а есть лишь культурный, высокоразвитый Экополис – и огромная голодная периферия, которую ему приходится кормить и которой ему следует опасаться. Текст страшный, очень откровенный и подводящий читателя все к той же мысли: когда-нибудь с периферией покончат, приняв... “окончательное решение”. Повесть по своим идеям тяготеет к космизму советских времен,

В настоящее время мотив единого человечества встречается значительно реже, чем в 80-х. Напротив, мотив “Россия – отдельно. Россия – другое!” выражен намного более явно, чем в советские времена

а по отношению к двум основным вариантам стоит на особицу. Прашкевич не занимается объяснением механизмов общественной трансформации, его интересует результат.

Имперские проекты

Но в огромном большинстве случаев речь идет не о присоединении России к глобализационному проекту, не о каком-нибудь “слиянии”, а, напротив, о возвращении ей статуса великой державы. Речь идет о государстве, которое сохранит/расширит границы современной России, обзаведется мощными вооруженными силами, модернизирует

экономику и технику, обеспечит социальную стабильность, решит национальный вопрос в пользу юридического и фактического равенства этносов при стратегическом главенстве русской культуры. Материальное процветание нигде в качестве важного аспекта грядущего великодержавства не декларируется, хотя и подразумевается. Важнее – достойная жизнь, ликвидация нищеты, ненадежной экономической структуры, засилья криминалитета, атомизации общества.

Чаще всего между словами “великая держава”, “сверхдержава” и “Империя” ставится знак равенства. Яркие выраженных сторонников имперства – более чем достаточно⁷. В некоторых текстах наше государство XXI–XXII веков так и называют: “Российская империя”. Основным “строительным материалом” для образа новой Империи стали реалии и эстетика, во-первых, СССР, и, во-вторых, дореволюционной России XIX – начала XX столетий. Реже в ход идет китайская фактура. Очень важный мотив: добрая половина фантастов-имперцев открывают перед Россией двери в космос, и тогда Империя перерастает в космическую ойкумену.

Впрочем, хватает и критиков имперской фантастики⁸. Надо подчеркнуть: именно критиков,

а не позитивных глобалистов, художников либерально-демократического будущего. Любопытно, что эта критика ведется с более или менее национально-культурных позиций; насколько в публицистике “националисты крови” противостоят Империи, настолько в художественной литературе они незаметны, их голоса не слышно. Но это – пока. Судя по темпам нарастания их численности, в ближайшие годы просто *не могут не появиться* романы, транслирующие ультранационалистическую точку зрения.

Россия – отдельно!

В подавляющем большинстве случаев имперство и великодержавность предполагают признание России самостоятельной цивилизацией. В имперской фантастике это проговаривается не всегда, и даже если присутствует, то выражается порой косвенно. Иными словами, в позитивном смысле “инакость”, “отдельность” предьявляется без особого напора, зато в отрицательном – очень жестко. Здесь концепт “мы – сами по себе” переходит в более агрессивный: “ну-ка, попробуй тронь!” Речь не идет о принципиальном изоляционизме. Да, мотив изоляционизма есть, но довольно умеренный. Скорее, можно говорить об устойчивом ощущении самодостаточности. Неоднократно российскую имперскую фантастику обвиняли в антиамериканизме. Но основной ее пафос – отнюдь не слепая ненависть к США (хотя в романах фантастов-имперцев нередко встречаются негативные пассажи об американском обществе). Нет, принципиальная основа литературного имперства – антиглобализм. За концептом великодержавности стоит идея государства-чаши. Вкратце ее можно изложить следующим образом: если мы иначе себя ведем, если у нас иная культура, иная вера, иное общественное устройство, если мы не желаем подчиняться, то должны защищать свою инакость. Во множестве случаев прямо говорится о возможности вооруженного столкновения

⁷ Роман Злотников, Эдуард Геворкян, Павел Крусанов, Андрей Столяров, Вячеслав Рыбаков, Александр Зорич, Дмитрий Володихин, Максим Жуков, Наталья Иртенникова, Владимир Серебряков и Алексей Уланов. В менее явной форме великодержавное будущее прочат стране Александр Громов и Елена Хаецкая. Расцвет имперской идеи в литературе с разной степенью приязни констатировали видные мейнстримовцы: Ольга Славникова, Владимир Бондаренко.

⁸ В их числе Борис Стругацкий, Святослав Логинов, Алан Кубатиев, Андрей Плеханов и Василий Щепетнев.

с другими цивилизационными мирами – а для этого нужна политическая, экономическая и военная мощь. Вино инакости наливается в чашу с прочными стенками... Именно такова квинтэссенция имперской идеи в нашей фантастической литературе.

Если завтра война, если завтра в поход...

На сегодня существует совсем немного текстов, где Россия-Империя, Россия-цивилизация ведет активную экспансию на чужих территориях. И мотив экспансии воспринимается большинством читателей и критиков как нечто неестественное. В романе Максима Жукова “Оборона тупика” один из главных героев осуществляет военные операции в Европе, а второй отговаривает его от таких действий, считая, что неприятностей от них будет больше, чем преимуществ, – и оказывается прав.

Зато всякого рода попытки насильственного поглощения России глобализированным Западом, интервенции на ее территорию, установление “миротворцами” нового порядка предсказаны неоднократно.

В нынешней фантастике мотив “придут американцы и все устроят” отсутствует начисто.

Возникла довольно обширная литература, наполненная духом сопротивления предполагаемым оккупантам: США, Евросоюзу, НАТО. С ними на территории нашей страны ведется вооруженная борьба во всех мыслимых и немыслимых формах: ядерная война (скрытое табу на нее снял Олег Кулагин в романе “Московский лабиринт”), магическое сопротивление, городская герилья...⁹ Наиболее распространенный сценарий – появление бойцов-одиночек и/или возникновение партизанских отрядов, ведущих с интервентами бескомпромиссную войну на уничтожение.

Квинтэссенция идеи “вооруженного сопротивления” представлена в рассказе Ника Перумо-

ва “Выпарь железо из крови”. В этот же жанр входит роман Виктора Бурцева “Пленных не брать”. Именно его перу¹⁰ принадлежит наиболее мрачная картина разорения России “эффективными менеджерами”, посаженными извне. Положение страны усугубляется несчастливymi обстоятель-

Всякого рода попытки насильственного поглощения России глобализированным Западом, интервенции на ее территорию, установление “миротворцами” нового порядка предсказаны неоднократно

ствами войн с “санитарным кордоном” вокруг России: в романе упомянуты боевые действия с Украиной и Грузией, причем тактическое ядерное оружие было применено против России по приказу из Киева.

Форма правления

Монархия или республика ожидает нас в будущем?

У фантастов на этот счет нет единства. “Монархический сектор” довольно значителен. Столь разные люди, как Вячеслав Рыбаков, Владимир Михайлов, Владимир Васильев¹¹ и Роман Злотников, хотели бы видеть во главе России государя, то есть единоличного легитимного правителя. В ряде случаев признается возможной наследственная монархия. Предлагается два основных пути возрождения монархического правления: нечто вроде референдума или же прямо венчание на царство персоны, ранее избранной в президенты.

Другой вариант – диктатура, сохраняющая внешние элементы демократии. У Льва Вершинина прописан вариант единоличной диктатуры, а у Максима Жукова – коллективной.

⁹ К подобного рода “сопротивленцам” можно отнести Юрия Никитина, Дмитрия Янковского, Михаила Харитонов, того же Олега Кулагина, Эдуарда Геворкяна, Андрея Столярова, Шамиля Идиатуллина.

¹⁰ Точнее, их перу – поскольку под псевдонимом “Виктор Бурцев” работает творческий дуэт, состоящий из Ю. Бурносова и В. Косенкова.

¹¹ В. Васильев никогда в компанию патриотов не входил, но в одной из его повестей фигурирует царь Николай III.

Встречаются отрывочные картины демократического республиканского устройства (см. главу “Что отторгается?”). Собственно, никто не рвется уничтожить республиканское правление, словно какое-то великое зло, вовсе нет. Тот же Михайлов в романах “Вариант И” и “Тело угрозы”, вышедших с разницей в несколько лет, предложил читателям введение монархии, а затем – версию классической президентской республики.

Александр Громов и Владимир Васильев в романе “Антарктида online” показали совершенно экзотическую республику инженеров, анархическое правление “технарей”.

Но, похоже, все это варианты одной общей идеи: и монархия, и республика, и анархоэкзотика, а диктатура подавно – всегда *авторитарны*. Надо подчеркнуть, нет в российской фантастике разных идей по поводу формы правления. Авторитаризм абсолютно превосходит все остальное, а конкретные его версии выглядят как “все та же рождественская елка”, только шариков и мишуры на ней может быть побольше или поменьше. Конечно решение принимает *один* человек, и к нему сходятся все главные административные нити. Тут нет ничего общего с “жаждой тирании”, “тоской по Большому Брату”, “ностальгическим сталинизмом” и т. п. Не о тоталитаризме идет речь, а именно об авторитаризме. Возможно, такова важная составляющая национального “кол-

Нет в российской фантастике разных идей по поводу формы правления – авторитаризм абсолютно превосходит все остальное

лективного бессознательного”: в большей степени доверять “хозяину”, вставшему во главе “дела”, чем совету, коллегии, парламенту – иными словами, коллективу. Ведь у семи нянек дитя без глазу. До сих пор ни одна живая душа в российской фантастике не сложила сагу о достоинствах коллективного принятия стратегических решений. Вот и весь сказ.

Конфессиональный фактор

На будущее России в целом ряде романов оказывают мощное воздействие разного рода конфессиональные сообщества.

Юрий Никитин и особенно Владимир Михайлов (роман “Вариант И”) отдают исключительно важную или даже главенствующую роль исламу.

Михаил Харитонов в повести “Лапсанг сушонг” показал возможность превращения России в “сферу влияния” индуизма и индийской цивилизации.

Время от времени выскакивает, как чертик из шкатулки, неоязычество (например, у Ника Перумова и авторов круга Юрия Никитина).

Но сколько-нибудь развернутых вариантов конфессиональной картины российского будущего – только два. Один – *конфуцианский*, второй – *православный*.

Питерские авторы расписали “китайскую модель”. Широко известен цикл Хольма ван Зайчика¹² “Плохих людей нет”. Альтернативная версия русской истории приводит к тому, что современная Россия наполняется конфуцианством. Стратегическое господство конфуцианской культуры сопровождается смешением этносов и религий по всей великой евразийской державе – Ордуси. Новая империя подчеркнута наднациональна. Отношение автора к русско-китайскому альянсу – самое положительное. Собственно, правящая элита Ордуси и сидит в Пекине... Произведения ван Зайчика обрели большую известность по одной причине: впервые на суд читателей была вынесена продуманная и прописанная в деталях альтернатива движению России в сторону Запада.

Андрей Столяров в рассказе “Мы, народ” принципиально иначе транслирует китайскую тему. Он настолько жестко ставит вопросы о заселении заброшенных русских земель китайскими переселенцами и о выдавливании православия импортным конфессиональным элементом, что из статуса текста-предупреждения рассказ отдрейфовывает к статусу текста-констатации. Думается, поторопился человек.

¹² Вячеслав Рыбаков плюс Игорь Алимов.

До главенства православия наши фантасты додумались далеко не сразу. Ислам и конфуцианство как возможные варианты российской конфессиональной основы, стрегня, сверхценности были названы раньше православия. Однако в последние 4–5 лет “православная версия” стала преобладающей, и ее поддержали множество авторов¹³, рассматривающих конфессиональные проблемы.

Открывая последнюю книгу тетралогии Романа Злотникова о космическом будущем землян¹⁴, “Бешеный медведь”, видишь церковь, выстроенную по соседству с космодромом, верующего губернатора и верующего банкира... Православие представлено у Злотникова как самоочевидная ценность. Совершенно так же общество пронизано христианством у Натальи Иртениной в романе “Белый крест”. Церковь в обоих случаях (да и во многих других) не играет какой-либо особой, отличной от современной, роли в социальном разделении функций. До православной теократии никто пока не додумался, хотя некоторые ее элементы есть у той же Иртениной.

Фантасты, представляющие православие первостепенно важным фактором будущего устройства социума, придают ему одно существенное отличие от современного статуса: это *конфессия большинства*, и ее влияние на все неоспоримо, прежде всего – по той причине, что само общество православно. Значительно реже сталкиваешься с вариантом, при котором значимым является законодательно закрепленное первенство православия. В ряде случаев видно прямое воздействие Церкви на государственные дела или же влияние косвенное – через соблюдение нравственных норм, установленных христианской этикой. Во всех случаях наличие агностицизма, иноверия или инославия рядом с православием допускается, хотя в наиболее радикальных вариантах видно: это временно терпимое состояние дел, и “внутреннее миссионерство” должно его понемногу

выправлять. В принципе, никто не ведет разговор о расколе между Церковью и государством; но наличие конфликтов возможно. Более того, норма “Основ социальной концепции РПЦ”, допускающая в некоторых ситуациях гражданское неповиновение верующих, нашла сторонников и среди

До главенства православия наши фантасты додумались не сразу. Ислам и конфуцианство как возможные варианты российской конфессиональной основы были названы раньше православия

писателей-фантастов: если правитель футурсоциума, кто-то из чиновников, силовиков и т. п. поступает безбожно, Церковь в лице верховного архиерея или даже простой христианин должны и смеют поправить зарвавшегося.

Что отторгается

Некоторые выводы можно сделать на основе отсутствия определенных черт политического строя в фантастических текстах.

В минусе: демократия, парламентаризм...

Так вот, наши фантасты не могут представить себе демократическую парламентскую республику и систему необходимых для этого выборов как нечто, присущее будущему, – причем не видят такого сценария не только в России, но и в мире. В отдельных случаях¹⁵ по некоторым деталям видно: вроде бы государственное устройство единой Земли (вариант – России) тяготеет к чему-то расплывчато демократическому (и у того же Николаева это вызывает явственное раздражение: хаос, бесхребетность правительства и неадекватная сила внеправительственных структур). Но все то,

¹³ В ее пользу высказались Владимир Серебряков и Алексей Уланов (роман “Из России с любовью”), Александр Зорич (космическая трилогия, особенно роман “Время – московское”), Дмитрий Жуков (роман “Оборона тупика”), Наталья Иртенина (“альтернативная Россия” в романе “Белый крест”), Елена Чудинова (роман “Мечеть Парижской Богородицы”), Дмитрий Володихин (целый ряд текстов) и особенно Роман Злотников.

¹⁴ Серия основана Р. Злотниковым совместно с ныне покойным А. Николаевым.

¹⁵ Романы А. Николаева “Точка отсчета”, Михаила Тырина “Желтая линия” и “Отраженная угроза”, некоторые произведения Льва Вершинина.

что относится к сфере существования политических партий, выборного процесса, функционирования парламента, находится на далекой периферии, более того, до настоящего времени ни разу не было представлено в нашей фантастике как действующая система. Михаил Тырин и Лев Вершинин, написав несколькими мазками демократическую будущность, немедленно разносят ее в пух и прах. У Вершинина если что-то и действует в таком государстве, то исключительно силовые структуры. У Тырина сама атмосфера подобного политического устройства пронизана безнравственностью, надо всем нависает давящая мощь системы, ощущение “офисной регламентации”, характерной для крупных фирм, банков и т. п. Впрочем, если бы критика системы предварялась презентацией системы, еще можно было бы сказать: наша фантастика видит, *как это может быть*, но отрицает перспективность подобного варианта. Но нет, в фантастических текстах происходит разнос ряда характерных черт государственной демократической практики, uznанных Россией в годы “рыночных реформ”. Период примерно с конца 80-х до середины 90-х родимыми пятнами разбросан по наиболее критическим и негативным зарисовкам будущего; некоторые лица и реалии – узнаваемы, намеки аб-

“шоковой” не только для экономики, но и для общественного сознания. А на негативный опыт того времени наложился опыт более свежий: картины работы в крупных корпорациях также видны в текстах наших фантастов, и работают они главным образом в роли компромата на либерализм.

...а также весь либеральный путь развития

Вполне ощутимым признаком подобного инстинктивного отторжения стало появление либерпанка – литературного направления, конституировавшегося в первые годы нашего столетия. Что это такое?

“Либерпанк – антиутопия, построенная на описании гипертрофированного Запада и западного образа жизни... Либерпанк описывает общество, где либеральные ценности И В САМОМ ДЕЛЕ почитаются, а всякие отступления от них (даже системные) переживаются примерно как “родимые пятна капитализма” при советской власти: то есть признаются чем-то весьма прискорбным, хотя и неизбежным”¹⁶. Это мир “угнетающей свободы”. Жизнь человека регулируется (притом довольно жестко) с помощью экономических и юридических механизмов, не оставляя ни малейшего пятнышка для маневра. Мир глобализован – а значит, унифицирован. Поэтому бежать некуда, выбора нет, любая борьба за модификацию существующего строя крайне рискованна и – в большинстве случаев – заранее обречена. Такова обстановка целого ряда рассказов и повестей Михаила Харитонов, романа Олега Дивова “Лучший экипаж Солнечной”, а также романа К. Бенедиктова “Война за «Асгард»” и “феминной” дилогии Александра Громова¹⁷.

Либерпанк содержит важное предупреждение: нельзя унифицировать человечество; даже объединять его под эгидой какого-нибудь мирового правительства – и то рискованно: оно потеряет жизненную силу, поблекнет, выцветет. Но это в глобальном смысле, а если спуститься “пониже”, то станет ясно: либерпанк четко проговаривает коллективный подсознательный (а отчасти и вполне сознательный) страх перед рождением

Наши фантасты не могут представить себе демократическую парламентскую республику и систему необходимых для этого выборов как нечто, присущее будущему, – причем не видят такого сценария не только в России, но и в мире

солотно прозрачны. Никакой системы никто не хочет строить даже в воображении. Похоже, парламентская демократия отвергается на уровне инстинкта: нет не только стремления утвердить демократическое общество и уверовать в благие цели демократии – но даже желания узнать, что это такое. Похоже, терапия начала 90-х оказалась

¹⁶ Макаров В. Либерпанк – новое направление в фантастике // Реконкиста. Новая почва. М., 2005. С. 7.

¹⁷ Последние два пункта в этом списке стоят несколько в стороне от либерпанковского “харджора”.

сверхтоталитарного строя на основе эволюционного развития либерально-демократической среды. Беда не в каком-то особенном концлагерном “гнете” – этого мотива в текстах наших фантастов просто нет; ужас в другом: каждый, кто не принадлежит к абсолютной верхушке, шлифуется до полной потери индивидуальности, оригинальности. Например, так: у нас полная свобода мысли, и тот, кто это отрицает, будет раздавлен. Нельзя сходить с “желтой линии”, как это показано в одноименном романе Михаила Тырина. Некоторые педагогические новшества представлены в романе Вячеслава Рыбакова “На будущий год в Москве” в качестве средства для создания этого самого “общества болванок”. Общий мотив: как бы не реализовалось замаятинское предсказание о бесовестных энергичных дуболомах, только другим способом...

При всем том авторов либерпанковских текстов слабо интересует “проектная реконструкция”, то есть подробное описание общества, которое они разносят; важнее обличение общественной практики, с которой сталкивается индивид на работе, в семье, в творчестве, – на самом нижнем, персональном уровне. В рамках либерпанка ответ на вопрос “как устроено?” имеет вспомогательное значение, а главным является ответ на вопрос “почему это плохо?”¹⁸

Либерпанк по сути своей – более продуманный и осознанный уровень отторжения либерально-демократических ценностей. Это уже не инстинкт, а *система основных возражений* определенному сценарию развития. И тяготеет он не к реакции истерического неприятия, а – чисто ассоциативно – к обвинениям капиталистическому развитию Европы, выдвинутым поздним Герценом и Леонтьевым.

На фоне отторжения либерально-демократического устройства мира и, в частности, России включается религиозное чувство. На втором плане создатели подобного “либерпанковского”

пространства видят дьявола – как истинного хозяина нового мироустройства; в полный рост он не высовывается, но рожки иной раз кажет. Автор этих строк пытался показать подобное присутствие в романе “Убить миротворца”. Сам-то new order нередко выглядит как совершенно нечеловеческий, не для людей он устанавливается.

Показательна в этом отношении диалогия Юлии Вознесенской “Путь Кассандры” – это одновременно и сакральная фантастика, выполненная в православной мистической традиции, и либерпанк – жестокий, страшный, правдивый. Либерпанк-универсум абсолютно соединяется у Вознесенской с царством антихриста. Таким образом, если в начале 90-х с нечистой силой многие

¹⁸ По мнению одного из основателей либерпанка, В. Макарова, к классическим произведениям названного направления можно отнести такие произведения: Константин Крылов, “Новый Мировой Порядок. Словарь”; Кирилл Бенедиктов, роман “Война за «Асгард»”; Вячеслав Рыбаков, роман “На будущий год в Москве”; Олег Дивов, роман “Лучший экипаж Солнечной”; Дмитрий Володихин, роман “Убить миротворца”, рассказы “Сюрприз для небогатых людей”, “Тут, на глубине”; Арсений Миронов, роман “Тупик гуманизма”; Михаил Харитонов, роман “Успех”, рассказы “Маленькая жизнь Стюарта Кельвина Забужко”, сборник “Моргенштерн” в целом; Михаил Тырин, роман “Желтая линия”; Олег Кулагин, роман “Московский лабиринт”.

фантасты связывали советский режим (одна мумия Ильича так накуролесила в фантастических текстах!), то в наше время связь с потусторонней теменью инкриминируется демократии и либерализму. А в качестве посредника выступают разного рода оккультные инициативные организа-

Очевидно, что положение дел в России не удовлетворяет ни писателей-либералов, ни патриотов. И те, и другие хотели бы перемен

ции, масоны и т. п. В маленьком рассказе Боброва бес принимает присягу у коленопреклоненного президента США – сразу после инаугурации.

Что-то еще не народилось, что-то уже ушло

Но, кстати, нет в современной отечественной фантастике и четкой схемы национального государства, основу которого составлял бы “примат крови”. В рассказах (да и в некоторых романах – мельком) такие варианты встречаются, но широкой популярности они пока не пользуются¹⁹.

Нет и сценария, в котором происходит раскол России на несколько самостоятельных государств. А ведь посреди ельцинской эпохи он обсуждался вовсю! В качестве примера можно привести роман Вячеслава Рыбакова “Человек напротив”²⁰. Идея была навеяна “парадом суверенитетов”, начавшимся на территории России после принятия Декларации о госсuverенитете РСФСР. По всей видимости, в начале 90-х возник массовый страх распада России по сценарию распада СССР, впоследствии рассосавшийся.

Как изменить ситуацию?

Очевидно, что положение дел в России не удовлетворяет ни писателей-либералов, ни патриотов. Первые не создали в фантастических текстах сколько-нибудь устойчивого, прописанного в подробностях образа будущего. Вторые смоделировали несколько разных вариантов. Но и те,

и другие хотели бы перемен. Тексты фантастов дают целый спектр ответов на вопрос, как добиться желаемого.

Тихие методы

Сторонников “тихих”, то есть социальных методов работы, направленных на массовую трансформацию общественного сознания путем долгого и тяжелого труда, в нашей фантастике немного.

Возможность повлиять на ситуацию в стране путем победы на выборах всерьез обсуждает один Андрей Столяров (роман “Жаворонок”). Он дает подробное описание региональных выборов и подводит читателя к выводу: одна безнадежная пакость эти выборы. Борьба компроматов, соревнование ораторов и пиаровских возможностей, в итоге не приводящее к желаемому результату: к лучшему ничего не меняется. В том же романе предложен более радикальный способ действий: поднять массовое общественное движение, запалить народ, привести дело к порогу гражданской войны и... опять не работает.

С. Витицкий (Б.Н. Стругацкий) отметил в прессе выступлениями крайне либерального, сугубо западнического толка. Его общественная позиция широко известна и не требует комментариев. Но его рецепты изменения российского общества далеки от радикализма и революционерства: “Мельницы Господа мелют медленно”, – говорит он в романе “Бессильные мира сего”. Никакой спешки. Никаких резких движений. Главные методы работы – во-первых, постепенное превращение человечества в сообщество “людей воспитанных”, то есть неагрессивных и настроенных гуманистически; во-вторых, выращивание элиты, культивирование определенного рода талантов, способных в нужный момент осуществить взрывную, исключительно эффективную коррекцию реальности. Элита, “ученики” педагогов, посвященных в законы бытия и умело “растормаживающих” таланты своих подопечных, держится кучно, один помогает другому, а все – всем.

Автор этих строк Дмитрий Володихин, столь же явно выразивший свою приверженность к им-

¹⁹ Самая ранняя версия – “славянское благоденствие” в романе А. Бушкова “Анастасия”, есть кое-что у Р. Злотникова, “Русская Европа” в ряде текстов Д. Володихина.

²⁰ Есть намеки на раскол и в романе Эдуарда Геворкяна “Времена негодяев”.

перству, почвенничеству, православию, также предлагает “тактику бега на дальнюю дистанцию”, без радикальных решений. Важнее всего всеми силами сохранять культурную самостоятельность, заботиться о пропаганде русского языка, литературы, истории, православия и постепенно внедряться во все административные структуры страны ради будущего поворота ее к православному варианту консервативной революции (роман “Убить миротворца”, ряд статей).

Война?

Социальная революция и гражданская война, слава Богу, находят еще меньший отклик в умах наших фантастов. Ольга Славникова в романе “2017” показывает гражданскую войну как нечто неизбежное: в период слома старого мира и перехода к новому не обойтись без волны насилия и крови (См. главку “Куда идем?”). При этом участники войны не очень хорошо понимают, из-за чего она идет и почему они оказались на той или другой стороне, – словно некие информационные комплексы “направляют” ту или иную толпу на смертоубийство путем неявного программирования, почти магического воздействия. Причем сама Славникова к подобной неизбежности относится как к грядущей трагедии: текст построен так, что авторская позиция совершенно очевидна.

Несколько сложнее трактовать роман Бориса Руденко “Те, кто против нас”. Две борющиеся группы вступают в вооруженный конфликт, напоминающий гражданскую войну в микромасштабе. Однако сложность состоит в том, что Руденко вроде бы следует известной теории Диденко о существовании разных видов людей. И трудно сказать однозначно: биологический фундамент у конфликта или социальный. Очень похоже на аллегорию: один из видов объединяет криминалитет, силовиков, коррумпированных чиновников, а другой – их жертв, подозрительно похожих на представителей либеральной интеллигенции...

Но все это далеко от большой внутренней войны, какая была в России, Китае или Соединенных Штатах. Похоже, использование в футурсценариях этого концепта неявно табуировано. Экс-

перимент Славниковой выглядит своего рода литературным хулиганством.

Заговор, переворот, чистка

Довольно часто наши фантасты, задумывающиеся о будущем, размышляют о заговоре и военном перевороте. Можно сказать, знамя Ткачева опять поднято и гордо реет над отечественной литературой. Идея точечного удара, ограниченного применения насильственных методов в настоящем ради блага России в будущем соблазнила многие умы. Собственно, заговор/переворот мыслится как своевременная замена “большой крови”, настоящей войны.

Роль короля всех литзаговорщиков сыграл Максим Жуков, автор романа “Оборона тупика”. В этой книге предложена технология свержения современной политической элиты России, ее полного обезвреживания, а также прописаны первые шаги новой элиты. Жуков предлагает использовать те формы политического строя, которые сложились к настоящему моменту, причем процедура выборов (в романе речь идет о выборах президента РФ) обретает симулятивные чер-

Идея точечного удара, ограниченного применения насильственных методов в настоящем ради блага России в будущем соблазнила многие умы. Собственно, заговор/переворот мыслится как своевременная замена “большой крови”, настоящей войны

ты. Из-за кулис всей системой властных органов управляет сообщество “идейных” Советников²¹. Готовясь к перевороту, будущие Советники строят “систему нападения”: к “дню икс” они располагают значительной группой бойцов-энэлпэшников, тщательно подготовленными отрядами боевиков, аналитиков, пиарщиков, компьютерной поддержкой (все это добровольцы) и *средствами, полученными от двух “опальных олигархов”*. Собственно, введение этих самых “опальных

²¹ Несколько напоминает “неизвестных отцов” из повести “Обитаемый остров” Аркадия и Бориса Стругацких, только взятых со знаком “плюс”.

олигархов” в сюжет заставляет отнести к книге Жукова с самым пристальным вниманием.

В разгар “оранжевых” настроений в России (первая половина 2005 года), когда речь шла о “березовой революции” (вариант: “гороховая революция”), издательство “Европа”, контролируемое ФЭПом, выпустило книгу Елены Афанасьевой “Государство или революция”. Там излагался более грубый вариант переворота: найм *одним из* опальных олигархов группы квалифицированных наемников, захват с их помощью ключевых центров управления и смена административного корпуса. Ситуация “оранжевой напряженности” рассосалась, но сценарий остался. Озвучен. Никем не осмеян, как заведомо невыполнимая работа. Предлагаются даже кое-какие расчеты. Жуков считает, что на полную смену элиты и выстраивание крепкой, жизнеспособной национально-ориентированной структуры властей потребуется 7–8 миллиардов долларов. Афанасьева называет гораздо более скромные цифры, но в ее варианте переворот совершается для осуществления гораздо более скромной задачи: одна часть элиты, сформировавшаяся в 90-х, устраняет другую часть...

Жуков полагает, что наемники ни к чему: все делается русскими ради русских. Базовый принцип, четко прослеживающийся в его тексте, таков: насилие должно быть четко нормированным, но бестрепетным. Это значит: когда работа начнется, убрать надо столько людей, сколько потребуется убрать, чтобы выжить и победить; если надо – позволительно пытаться, брать в заложники, избавляться от предателей, заравнивать любой канал потенциальной утечки информации. Никаких поблажек противнику, никаких прорех в системах защиты, никаких нервов, никакого милосердия. Лучше убить сотни – лишь бы тысячи были избавлены от быстрой смерти, а десятки миллионов – от медленного умирания. В то же время насилие ради насилия немыслимо. Там, где оно не нужно, вход ему закрыт. Переворот по жуковски – болезненный укол, который нельзя превращать в удар молотком, расплющивающий кости ступни. Организаторы переворота отлично понимают: каждая смерть – новый грех им на

души... Фактически Максим Жуков написал вариацию “Техники государственного переворота” Курцио Малапарте, только... до самого переворота. Ну а после – Советники весьма быстро иницируют новую программу обмена с Европой: резко вздорожавшие энергоносители за новейшие технологии. И Европе, по мысли автора, придется согласиться – из-за резкого похолодания...²²

Военный переворот как средство сменить правительство давным-давно предложил Юрий Поляков в повести “Демгородок”. Вся цепочка действий автором не прописана, однако по деталям восстанавливается следующая картина: военные добиваются своего, угрожая применением ракетного оружия.

У Павла Крусанова в романе “Укус ангела” центральный персонаж, генерал, добивается для себя диктаторской власти с помощью переворота. Тот же мотив – у Романа Злотникова. Олег Дивов в романе “Выбраковка” прямо описал захват Кремля, арест правительства и ликвидацию премьер-министра отрядом из полутора сотен бойцов.

В конце 2005 года президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов на конференции, посвященной изучению образа будущего в отечественной науке и литературе, назвал переворот отличным средством “...легитимизировать новую власть”.

Но все-таки чаще в фантастике всплывает идея реформы или нового курса, инициированного правительством и направленного на “зачистку”. В разных вариантах зачищаются: агенты внешнего влияния вплоть до сотрудников иностранных спецслужб, криминалитет, агрессивные маргиналы и олигархические структуры. Идея новых “эскадронов смерти” воспринимается массовым читателем на ура, как родная. Да и очень значительная часть образованного класса энергично поддерживает ее. Идея чем дальше, тем больше становится *народной*.

Первыми идею подали Вячеслав Рыбаков и Олег Дивов. У Рыбакова представитель интеллигентности идет на сотрудничество с “органами” ради того, чтобы скверна была вычищена (роман “На чужом пиру”). Дивов же первым додумал-

²² На электронном ресурсе АПН опубликована статья автора книги о возможности для России крупно сыграть на общеевропейском похолодании.

ся до особой структуры по зачистке (в оригинале – “выбраковки”). Его Агентство социальной безопасности формируется из “униженных и оскорбленных” и отчасти дублирует МВД. Это очень характерный момент: если к ФСБ еще относятся довольно толерантно и даже возлагают на нее надежды, то к МВД отношение однозначно отрицательное. Милиция рассматривается как структура коррумпированная снизу доверху и абсолютно неэффективная. Поэтому в очередных фантастических проектах подразумевается, что новая силовая иерархия, отбирающая значительную часть функций у МВД, полностью независима от корпоративных интересов современного чиновничества, и в первую очередь – от милиции. Виктор Косенков в романе “Новый порядок” предлагает рекрутировать туда бессребреников, прошедших жесткий тест на честность и неподкупность. Сергей Чекмаев в романе “Анафема” – верующих.

Все романы, названные в предыдущем абзаце, получили широкий резонанс и отмечены литературными премиями. Похоже, в настоящее время интеллигентность придерживается схемы “двух рецептов”. Рецепт 1: пропихнуть в правительственные круги идею “эскадронов смерти” и почистить таким образом страну от мрази всех сортов, а затем поменять правительственный курс на национально-ориентированный – тогда и наступит светлое будущее. Рецепт 2: *если* Рецепт 1 не работает, следует свергнуть правящую элиту посредством заговора и верхушечного переворота, а потом почистить страну от мрази всех сортов, затем поменять правительственный курс на национально-ориентированный – тогда и наступит светлое будущее. Общий смысл таков: активная часть интеллигентности ждет от правительства реальной национально-ориентированной политики²³, сопровождаемой репрессивными мерами; ресурсы спокойного ожидания подходят к концу, и уже непонятно, на годы идет счет или на месяцы; подспудное одобрение радикальных антиправительственных мер видно в укреплении статуса Рецепт 1 как приемлемого футурсценария.

Прочие варианты встречаются реже и звучат глуше.

²³ Национальная ориентация желанного политического курса сочетается с социальной. Коротко говоря, речь идет об активной защите интересов “русских бедных”.

Нам нужна осечка

К сожалению, общий тон российской фантастики в отношении будущего не особенно благоприятен для самой России. Есть, конечно, несколько футурсценариев, позволяющих стране относительно мирно вернуть себе статус великой державы, начать космическую колонизацию, провести необходимые изменения в социальной сфере и экономике, – есть, но мало. Современные отечественные фантасты крайне редко пишут о спокойном эволюционном развитии России. В подавляющем большинстве футурсценариев стране предсказано обильное кровопролитие: переворот, гражданская война, внешняя война, интервенция, “зачистки”... Или даже сочетание нескольких перечисленных катаклизмов.

Некоторые безумцы играют в рулетку с помощью револьвера: в шестизарядный барабан вкладывается один патрон, а дальше – как Бог рассудит... Русский вариант рулетки позволяет вставить в барабан пять патронов – и лишь одно гнездо оставить незаполненным. Но мало кто знает, что есть не только русская, но еще и истинно русская версия той же игры: стрелок забивает патронами все гнезда. Ему остается надеяться только на осечку.

Вот и нам сейчас нужна осечка. То есть чудо Господне. ■